

БЕРТРАН РАССЕЛ

БРАК И МОРАЛЬ

*ИЗДАТЕЛЬСТВО АСТ
МОСКВА*

УДК 173
ББК 87.7
P24

Серия «Эксклюзивная классика»

Bertrand Russell
MARRIAGE AND MORALS

Перевод с английского *В. Желнинова*

Серийное оформление *А. Фереца, Е. Фerez*

Компьютерный дизайн *А. Чаругиной*

Печатается с разрешения издательства Routledge,
a member of the Taylor & Francis Group, copyright
of The Bertrand Russell Peace Foundation.

Рассел, Бертран.

P24

Брак и мораль / Бертран Рассел ; [перевод с английского В. Желнинова]. — Москва : Издательство АСТ, 2024. — 288 с. — (Эксклюзивная классика).

ISBN 978-5-17-136612-4

Бертран Рассел (1872–1970) — лауреат Нобелевской премии по литературе, английский математик, общественный деятель и один из величайших философов XX века, автор знаменитых работ «Проблемы философии», «Человеческое познание: его сфера и границы», «Азбука относительности» и фундаментального труда «История западной философии».

В вопросах семьи и брака Рассел придерживался широких взглядов, подтверждением чего могут служить четыре официальных брака и множество связей на стороне. Бертран Рассел был глубоко убежден, что нежная привязанность и естественное влечение друг к другу мужчины и женщины не укладываются в прокрустово ложе традиционной морали. Согласно его доктрине, ничто не может оправдать союз мужчины и женщины, если их чувства давно остыли и былая любовь сменилась разочарованием, презрением и безразличием. Итогом его размышлений о любви, сексуальных отношениях и воспитании детей стала знаменитая работа «Брак и мораль», удостоенная Нобелевской премии по литературе.

УДК 173
ББК 87.7

© Bertrand Russell, 1957
© Horace Liveright, INC., 1929

ISBN 978-5-17-136612-4

© Издание на русском языке AST Publishers, 2024

Глава 1

ПОЧЕМУ СЕКСУАЛЬНАЯ ЭТИКА НЕОБХОДИМА?

Когда мы характеризуем какое-либо общество, будь то древнее или современное, всегда обнаруживаются два элемента, довольно тесно связанных между собой и имеющих первостепенное значение: первый — это экономическая система, а второй — система семейная (семьи и семейных ценностей). Сегодня существуют две влиятельные школы мысли, одна из которых опирается на глубоко экономические воззрения, а другая сводит все к семейным, или, если угодно, сексуальным аспектам; первая, разумеется, школа Маркса, тогда как вторая — школа Фрейда. Сам я не склонен примыкать ни к одной из упомянутых школ, поскольку, на мой взгляд, взаимосвязь экономики и секса отнюдь не демонстрирует явного превосходства одной школы над другой с точки зрения причин и следствий. Например, промышленная революция, безусловно, уже оказала и будет далее оказывать сильное влияние на сексуальную мораль, однако сексуальная сдержанность пуритан была психологически необходима в качестве одной из предпосылок промышленной революции. Я не готов приписывать первенство ни эко-

номическому, ни сексуальному фактору, да и, положи руку на сердце, вряд ли их можно разделять сколь-нибудь строго. Экономика связана преимущественно с добыванием средств пропитания, но люди все-таки редко добывают еду исключительно на благо индивида, который ее жаждет; как правило, пища предназначается семье, а с изменением семейной системы изменяются и экономические мотивы. Должно быть очевидно, что не только страхование жизни, но и большинство форм частного сбережения почти наверняка исчезнет бесследно, если отнимать детей у родителей и воспитывать их за государственный счет, как в платоновской республике*; иными словами, если государство берет на себя роль отца, такое государство, *ipso facto*** , становится единственным капиталистом. Убежденные коммунисты часто утверждают обратное: если государство будет единственным капиталистом, семья, какой мы ее знаем, не сможет выжить; даже если допустить, что подобные мнения чересчур категоричны, нельзя не признать теснейшую связь между частной собственностью и семьей — связь взаимную и настолько прочную, что невозможно отделить одно от другого, назвать одно причиной, а другое — следствием.

* В трактате «Государство» Платон писал, что «все рождающееся потомство сразу же поступает в распоряжение особо для этого поставленных должностных лиц...» (пер. А. Егунова). — Здесь и далее, за исключением особо оговоренных случаев, примеч. ред.

** Следовательно (*лат.*).

Сексуальная мораль общества, как будет показано, имеет несколько уровней. Прежде всего, имеются позитивные институты, воплощенные в законе; таковы, скажем, моногамия в одних странах и полигамия — в других. Далее идет уровень, где влияния закона не ощущается, зато ощутимо воздействие общественного мнения. И наконец имеется уровень индивидуальных поступков, когда человек принимает решения самостоятельно. Нет ни одной страны и не было ни единой эпохи в мировой истории, где бы и когда бы сексуальная этика и сексуальные институты определялись рационалистическими соображениями (за исключением Советской России). Я вовсе не хочу сказать, что институты Советской России в этом отношении совершенны; нет, я лишь подчеркиваю, что эти институты опираются не на суеверия и традиции, в отличие от, хотя бы частично, институтов всех прочих стран во все времена. Проблема определения наилучшей сексуальной морали с точки зрения общего счастья и благополучия видится чрезвычайно сложной, и ее решение будет зависеть от ряда обстоятельств. В промышленно развитом обществе такое решение будет отличаться от решения в стране с примитивным сельскохозяйственным укладом. Также несомненны различия между обществом, где медицинская наука и гигиена обеспечивают устойчивое снижение смертности населения, и обществом, где эпидемии и иные заболевания выкашивают большую часть

населения еще до перехода во взрослую жизнь. Быть может, узнав больше, мы окажемся в состоянии сделать вывод, что наилучшая сексуальная этика для одного климата должна отличаться от таковой для другого — или что сексуальная этика может зависеть даже от типа диеты в конкретном обществе.

Сексуальная этика проявляет себя в самых разных аспектах — персональных, супружеских, семейных, национальных и международных. Вполне возможно, что какие-то ее практические последствия будут положительными в некоторых перечисленных случаях и отрицательными в других. Нужно рассмотреть все варианты, прежде чем мы сможем решить, как именно воспринимать конкретную систему.

Начнем с персонального уровня: здесь последствия обычно трактуются психоаналитиками. Нужно учитывать не только взрослое поведение, навязываемое кодексом принятых в обществе правил, но и подготовительное образование, призванное внушить почтение к этому кодексу. Как мы теперь знаем, табу в раннем возрасте могут проявляться весьма любопытным и далеко не линейным образом. На этом уровне мы имеем дело с персональным благополучием. К следующему уровню мы переходим, когда начинаем изучать взаимоотношения мужчин и женщин. Для всех очевидно, что сексуальные отношения с одним объектом могут быть более ценными, чем с другим. Большинство людей согласится с тем,

что сексуальные отношения более гармоничны, когда в них присутствует не только физическая, но и психологическая составляющая. Действительно, от поэтов здравомыслящая цивилизация мужчин и женщин усвоила, что ценность любви возрастает пропорционально вовлечению в отношения личных качеств людей. Кроме того, поэты приучили многих ценить любовь пропорционально ее интенсивности; однако это более спорный вопрос. Большинство современных людей согласится с тем, что любовь должна быть равноправной и что на этом основании, если ни на каких иных, полигамию, например, нельзя рассматривать как идеальную систему. На всем этом уровне необходимо учитывать как брак, так и внебрачные отношения, поскольку внебрачные отношения встречаются в любом обществе, независимо от формы брака и брачного законодательства.

Далее мы подходим к вопросу о семье. Из древней и сравнительно недавней истории мира известно множество разновидностей семейных групп, но патриархальная семья при этом явно господствует; более того, моногамная патриархальная семья уверенно торжествует над полигамной. Основным мотивом сексуальной этики, господствовавшей в западной цивилизации с дохристианских времен, было стремление гарантировать добродетель со стороны женщины, поскольку без нее патриархальная семья теряет смысл (ибо нельзя точно установить отцов-

ство). Соответствующее требование в отношении мужчин появилось позже и было связано с аскезой, перевозимой в христианстве, а в последнее время и с эмансипацией — женщины начали заявлять о своих правах и требовать верности со стороны мужчины. Впрочем, последний фактор вряд ли надолго сохранит свое влияние, ибо женщины, по некоторым признакам, отдают предпочтение системе, допускающей свободу для обоих полов, а не той, которая равным образом ограничивает сексуальную свободу мужчин и женщин.

При этом в пределах моногамной семьи обнаруживается обилие вариаций. Браки могут заключаться самими брачующимися или их родителями. В некоторых странах невесту выкупают; в других, скажем, во Франции, выкупают жениха*. Вдобавок налицо множество различий касательно развода — от католического экстремума, отрицающего саму возможность развода, до древнего китайского закона, позволявшего мужчине развестись с женой, если та чрезмерно болтлива. Постоянство (или квазипостоянство) в сексуальных отношениях возникает также среди животных, не только среди людей, и у животных забота о потомстве необходима для сохранения

* Вероятно, имеется в виду известный в некоторых французских деревнях обычай, когда отец невесты «расплачивается» вином и угощением за «приобретение» жениха; впрочем, куда более распространен аналогичный выкуп невесты.

вида. Например, птицы высиживают яйца, дабы те не остывали, и одновременно вынуждены проводить много часов в поисках пищи. Справиться с той и другой задачей самка просто не в состоянии, поэтому необходимо сотрудничество самки и самца. Вследствие этого большинство птиц кажутся нам образцом добродетели. Что же касается людей, то и здесь отцовское попечение выглядит немаловажным биологическим преимуществом для отпрысков, особенно в смутные времена; но с развитием современной цивилизации роль отца в воспитании все больше берет на себя государство, и можно предполагать, что наличие отца вскоре перестанет считаться биологически выгодным — во всяком случае, когда отец не имеет капитала и вынужден зарабатывать на хлеб. При таком положении дел следует ожидать полного разрушения традиционной морали, поскольку у матери не останется причин требовать безусловного установления отцовства ее ребенка. Платон, пожалуй, пошел бы дальше и заметил бы государством как отца, так и мать. Признаюсь, сам я не настолько восхищаюсь государством и не настолько восторгаюсь прелестями сиротских приютов, чтобы с энтузиазмом поддерживать эту схему. В то же время вполне допускаю, что некие экономические силы могут вынудить к частичному (хотя бы) ее принятию.

Закон регулирует сексуальные отношения в двух аспектах: во-первых, он закрепляет ту сексуальную этику, которая принята в конкретном

обществе, а во-вторых, защищает права индивидов в области секса. В данной области можно выделить два основных направления: с одной стороны, это защита женщин и несовершеннолетних от посягательств и дурного обращения, с другой — профилактика венерических заболеваний. Ни одно из указанных направлений обычно не рассматривается целостно, и по этой причине соблюдение закона тут не столь эффективно, каким могло бы быть. Что до первого направления отдельно, напомним, что истерические кампании против торговли белыми рабами* обернулись принятием законов, от исполнения которых профессиональные злоумышленники научились с легкостью ускользать, зато открылись широкие возможности для шантажа невинных. А что до второго направления, мнение, будто венерические заболевания суть справедливое воздаяние за грехи, препятствует внедрению мер, которые были бы наиболее эффективными по медицинским основаниям, тогда как в обществе бытует убеждение, что венерические заболевания постыдны и их надлежит скрывать, а это мешает своевременному выявлению и адекватному лечению таких болезней.

Теперь перед нами заключительный вопрос — о населении в целом. Это поистине колоссаль-

* В англоговорящих странах в XIX веке и в первой половине XX столетия это выражение обозначало сексуальное рабство белых женщин; в США в 1910 году приняли так называемый закон о белых рабынях (или закон Манна), за-
претивший «эксплуатацию женщин в аморальных целях».

ная проблема, которую нужно рассматривать с разных сторон. Тут и материнское здоровье, и здоровье детей, и психологическое влияние многочисленных и малочисленных семей, соответственно, на характер ребенка. Данные факторы можно охарактеризовать как гигиенические аспекты нашей проблемы. Также имеются экономические аспекты, личного и общественного свойства: недостаток на душу населения в семье или в обществе в зависимости от размера семьи или уровня рождаемости в обществе. Тесно связанным с предыдущим представляется вопрос о влиянии прироста населения на международную политику и возможность достижения мира во всем мире. Наконец, есть евгенический вопрос, то бишь вопрос улучшения (или ухудшения) «породы» вследствие различия в показателях рождаемости и смертности в разных слоях конкретного общества. Никакую сексуальную этику нельзя ни оправдывать, ни осуждать до тех пор, пока вы не рассмотрите ее во всех обозначенных аспектах. Реформаторы наряду с реакционерами имеют обыкновение уделять внимание лишь одному или, в лучшем случае, двум аспектам этой проблемы. Крайне редко можно встретить сочетание личных и политических взглядов, и нет ни малейших доказательств того, что одни взгляды важнее других: мы не располагаем априорными подтверждениями того, что система, эффективная для отдельного индивида, будет столь же эффективной для общества в целом, и наобо-

рот. Лично я не сомневаюсь в том, что почти везде и чаще всего некие скрытые психологические силы побуждали и побуждают людей внедрять системы, подразумевающие совершенно не оправданную жестокость; это, кстати, характерно и для наиболее цивилизованных рас в наши дни. Кроме того, я считаю, что достижения в области медицины и гигиены требуют перемен в сексуальной этике — желательных как с личной, так и с общественной позиции, а возрастающая роль государства в образовании и воспитании постепенно лишает отцов той значимости, которой они обладали на протяжении истории человечества. Поэтому нам предстоит решать сразу две задачи в критике нынешней этики: с одной стороны, мы должны устранить элементы суеверий, засевшие в подсознании; с другой — мы должны учитывать принципиально новые факторы, которые превращают мудрость прошедшей эпохи в бессмысленные ритуалы, непригодные в настоящем.

Чтобы составить полное представление о существующей системе в перспективе, я сначала рассмотрю некоторые системы, известные в прошлом или бытующие в настоящее время среди менее цивилизованных народов мира. Затем я перейду к характеристике системы, поддерживаемой ныне западной цивилизацией, а в завершение перечислю те отношения, в которых эту систему надлежит улучшить, и обосную, почему, как мне кажется, мы вправе рассчитывать на подобные улучшения.

Глава 2

КОГДА ОТЦОВСТВО НЕИЗВЕСТНО

Брачные обычаи всегда и везде представляли собой сочетание трех факторов, которые можно условно обозначить как инстинктивные, экономические и религиозные. Я не хочу сказать, что между перечисленными группами возможно провести строгое разграничение, — нет. Тот факт, что лавки и магазины закрыты по воскресеньям, проистекает из религиозных заповедей, но сегодня это уже экономическое явление, и точно так же обстоит дело со многими правилами и установлениями, относящимися к сексу. Полезный обычай, имеющий религиозное происхождение, часто сохраняется обществом именно в силу своей полезности, даже когда его религиозное основание теряет свою силу. Различия между религиозным и инстинктивным провести не менее затруднительно. Религии, обладающие сильным влиянием на поступки людей, обыкновенно опираются на некий инстинктивный фундамент. При этом они выделяются уважением к традиции, а также тем, что, несмотря на все многообразие инстинктивных человеческих свойств, отдают предпочтение лишь некоторым из них. Например, любовь и ревность равно являются инстинктивными эмоциями, но религия постановляет, что ревность есть добродетель, которую обществу надлежит блюсти, а любовь — в лучшем случае простительна.

Инстинктивный элемент в сексуальных отношениях значит намного меньше, чем принято думать. В данной книге я не собираюсь погружаться в антропологию глубже, чем это необходимо для того, чтобы проиллюстрировать некоторые характерные ситуации, но в одном отношении эта наука видится мне чрезвычайно актуальной: она наглядно демонстрирует, что многие практики, считающиеся рациональными и противоречащими инстинкту, на самом деле существуют на протяжении долгого времени, не вступая в сколь-нибудь явный конфликт с инстинктом. К примеру, не только среди дикарей, но и среди относительно цивилизованных народов была распространена практика официального (причем порой публичного) дефлорирования невинных дев жрецами. В христианских странах установилось мнение, что лишение девственности — прерогатива мужа, и большинство христиан, во всяком случае, до недавнего времени, осуждало практику религиозной дефлорации как инстинктивную. Практика «одалживания» своей супруги гостю в знак уважения и гостеприимства тоже относится к числу тех, которые современный европеец инстинктивно отвергает, а между тем она была очень широко распространена. Полиандрия — еще один обычай, который невежественный белый человек считает противным человеческой природе. Еще более преступным в его глазах выглядит инфантицид, убийство младенцев, но факты доказывают, что люди до-

бровольно соглашаются на это, когда осознают экономические выгоды такого преступления. Дело в том, что в человеческих действиях инстинкт напрочь лишен конкретики, и его легко сбить с естественного пути. Указанная характеристика равно применима к дикарям и цивилизованным сообществам. Само слово «инстинкт», кстати, не кажется уместным обозначением для столь разнородного поведения, как поведение человека в сексуальной сфере. Единственным, что действительно во всей этой реальности можно назвать инстинктивным в сугубо психологическом смысле, оказывается акт сосания груди в младенчестве. Не знаю, как происходит у дикарей, но цивилизованным людям совершенно точно приходится учиться технике половых актов*. Довольно часто супружеские пары, прожившие вместе не год и не два, обращаются к врачам за советом, как завести детей, а при расспросах выясняется, что они просто-напросто не знали техники полового акта. Потому, следовательно, половой акт вряд ли можно, если быть максимально точным, назвать инстинктивным, хотя, конечно, у людей имеется природная предрасположенность к нему, а желание без физического контакта удовлетворению не подлежит. Действительно, когда речь заходит о людях, становится ясно, что у нас нет точных моделей поведения,

* См.: Havelock Ellis, *Studies in the Psychology of Sex*, vol. VI, p. 510. — *Примеч. авт.*